

Русская Православная Церковь
Патриаршая комиссия
по вопросам семьи, защиты
материнства и детства

**Позиция Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства
по проекту Федерального закона № 649934-6
(о передаче детей на «социальное воспитание»)**

11.01.2015

Законопроект № 649934-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи детей на социальное воспитание» был внесен в Государственную Думу РФ группой депутатов 12.11.2014¹.

Законопроект вводит новую форму устройства детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей, – т.н. «передачу на социальное воспитание». Под «социальным воспитанием» в законопроекте понимается *«опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по трудовому договору, заключаемому между социальным воспитателем и организацией для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»* (ст. 1 п. 3 законопроекта).

Текст указанного законопроекта был рассмотрен экспертами Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства. По результатам проведенной экспертной оценки Комиссия обращает внимание на следующие важные моменты:

Общие принципы

1. Семья имеет огромное значение в воспитании и развитии ребенка. Родная семья, в которой ребенок воспитывается своими кровными родителями, заботящимися о нем, является естественной и наиболее благоприятной средой для возрастания каждого человека. Этот принцип является общепризнанным в правовом отношении и неизменно подчеркивается Церковью: *«Русская Православная Церковь подчеркивает, что основным направлением работы с детьми, оставшимися без попечения родителей, должно быть содействие сохранению родной семьи и преодолению условий, послуживших причиной прекращения родительского попечения. В случае, когда сохранение родной семьи представляется невозможным, необходимо всячески способствовать устройству детей в семью...»*².

Дети, по тем или иным объективным и серьезным причинам лишившиеся родной семьи, нуждаются в заботе. Вполне понятно и естественно желание, по возможности, тем или иным образом, восполнить отсутствие у них родных родителей, хотя едва ли возможно заменить их полностью. На протяжении веков, как и в наши дни, именно с этой целью многие семьи, движимые состраданием и иными благими побуждениями, принимали к себе детей-сирот для воспитания. Это благородное стремление неизменно поддерживалось как российским обществом в целом, так и Церковью.

Необходимо, однако, проводить четкое разделение между подлинно семейным и институциональным устройством ребенка-сироты. В случае семейного устройства ребенка принимают в свою

¹ Паспорт законопроекта: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=649934-6&02>

² Преамбула «Основных принципов деятельности церковных приютов Русской Православной Церкви» (документ принят Высшим Церковным Советом 21.06.2013 и одобрен на заседании Священного Синода 16.07.2013).

семью, руководствуясь милосердием и иными достойными бескорыстными побуждениями, заботятся о нем и воспитывают его как родного или наравне со своими родными детьми (при этом государство может оказывать семье различные виды поддержки). В случае институционального устройства забота о ребенке и его воспитание являются разновидностью оплачиваемой профессиональной деятельности с соответствующей мотивацией.

Именно эта существенная особенность и отличает семейное устройство от институционального. Это отличие сохраняет свое значение вне зависимости от того, состоят ли в последнем случае заботящиеся о ребенке люди в браке, имеют ли собственных детей, воспитывают ли они ребенка в стенах учреждения, либо в условиях, приближенных к семейным, в том числе и у себя дома. Семейное устройство отличается от институционального, прежде всего, своей глубинной мотивацией.

Кроме того, при подлинно семейном устройстве именно те, кто заменил ребенка родителей, самостоятельно несут (или должны нести) всю полноту ответственности за его воспитание, развитие, принятие решений об этом. При этом такая полнота ответственности имеет существенное значение для формирования подлинно семейных межличностных отношений, особой эмоциональной и духовной близости, присущей семейным связям. Поэтому с семейным устройством несовместима ситуация, когда заботящиеся о ребенке взрослые выступают в качестве представителей третьих лиц, фактически являющихся их работодателями – государства, сиротского учреждения и т.п., выполняющих их требования и несут перед ними делегированную ответственность в деле воспитания. В последнем случае внешне условия могут сколь угодно напоминать семейное воспитание (что, во многих случаях, вполне может отвечать интересам детей), но все же не будут по настоящему семейными.

Для ребенка, потерявшего родных родителей, с учетом его подлинных интересов могут в рамках закона избираться различные формы устройства, как семейного, так и институционального. Однако, в силу основополагающего значения для общества именно семьи, не следует их смешивать между собой, а также позиционировать в качестве «семейных» те или иные формы институционального устройства. Решения, при которых происходит такое смешение или подмена, создают серьезные опасности для общества, в том числе нравственные. В результате их применения утрачивается понимание уникального и основополагающего значения семьи, ее особого значения в воспитании и формировании личностей детей. В общественном сознании при этом утверждается ложное и весьма опасное представление о том, что семья может быть сведена к некому набору внешних условий для воспитания и развития ребенка, при этом уже не столь важно, кто именно создает эти условия. Подобная ситуация недопустима как с нравственной, так и с правовой точки зрения.

2. В этой связи следует отметить, что семье, как естественной основе общества, серьезно угрожают такие правовые подходы, широко используемые в ряде зарубежных стран и в некоторых нормах международного права, в которых понятие прав и ответственности родителей сознательно и целенаправленно отделяется от их кровнородственной связи с ребенком. Речь идет, в частности, о замене понятия «родительские права» или «права родителей» понятием «права опеки», а также о систематической замене в правовых текстах прямого упоминания родителей ребенка «нейтральными» ссылками на «законных представителей» (без упоминания родителей в качестве естественных и приоритетных субъектов родительских прав).

Во многом результатом, в том числе, именно такого деформированного развития правового сознания становится законодательное признание в некоторых зарубежных странах «права» гомосексуальных пар на усыновление детей или опеку над ними, то есть на получение ими «родитель-

ских» функций. В самом деле, как уже указывалось, если семья лишается своего глубинного межличностного измерения, сводясь к сочетанию комплекса неких прав и обязанностей с определенной «средой обитания» ребенка, то уже неважно, кто осуществляет эти права и обязанности, создает и поддерживает эту «среду» - лишь бы это делалось «качественно». Трудно переоценить всю глубину опасности подобных представлений для любого общества.

С учетом сказанного, Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства считает необходимым подчеркнуть, что выступает категорически против введения в российское правовое поле и применения в практике работы с семьями, детьми-сиротами и детьми, лишившимися родительского попечения, термина «профессиональная замещающая семья» и аналогичных ему по содержанию терминов, понятий и концепций. **Функции, выполняемые кем угодно в рамках профессиональной трудовой (или аналогичной) деятельности, никоим образом не могут заменить или заместить собой глубоко личностную связь родителей и их детей.** Это верно и когда речь идет о приемной, а не только о родной семье.

3. В современных условиях, рассматривая вопрос о семейном устройстве детей, необходимо учитывать ряд иных важных вопросов, тесно с ним взаимосвязанных. В частности, в ситуации т.н. «социального сиротства», когда ребенок оказывается «сиротой при живых родителях», приоритетной задачей должно оставаться сохранение и восстановление родной семьи ребенка всегда, когда это возможно. Об этом необходимо помнить, принимая решения об устройстве ребенка, утратившего родительское попечение.

В случаях, когда у ребенка есть родные родители, и есть надежда сохранить или восстановить его родную семью, помещение его в ситуацию, которую он будет воспринимать как свою «новую семью», пусть даже временную, может создать серьезные затруднения при решении этой важнейшей задачи. Ребенок – это личность, а не предмет, который можно сколько угодно раз перекладывать из одного «контейнера» в другой. Здравый смысл и научные данные указывают на огромную значимость особых личностных связей, которые он имеет именно со своими родителями. Если есть возможность сохранить родную семью, следует избегать ситуаций, в которых эти личностные связи могут быть, пусть непреднамеренно, ослаблены или замещены другими. Это особенно важно в случае вынужденного разлучения ребенка с родными родителями. Сохранение связи ребенка с родной семьей и родителями в такой ситуации, как минимум, не менее значимо, чем создание для него психологически более комфортных условий в кратковременной перспективе.

При этом следует учитывать, что в ряде зарубежных стран сложилась извращенная практика, при которой ребенка, оторванного от родной семьи, сначала помещают в т.н. «замещающую семью», а затем сложившиеся в новых условиях связи и привязанности ребенка используют как юридически значимый аргумент в пользу отказа от возвращения его родным родителям. Теоретически такая ситуация возможна и при применении действующего российского семейного законодательства, нуждающегося в коррективах в этом отношении.

Сказанное приобретает особое значение с учетом того, что действующее российское законодательство не защищает в достаточной мере семью и права родителей от случаев незаконного, необоснованного, избыточного, а иногда и фактически произвольного вмешательства в семейную жизнь и воспитание детей. Известны многочисленные случаи, когда такое вмешательство приводило к явно несправедливым случаям принудительного разлучения детей и родителей. В подобных ситуациях поспешное и необдуманное устройство детей в «семейные условия» может стать не столько заботой о детях, сколько серьезным препятствием к защите их реальных прав и интересов и к восстановлению справедливости.

Комиссия обращает в этой связи внимание на необходимость системного пересмотра норм действующего семейного законодательства исходя из презумпции добросовестности родителей и соответствия их действий интересам детей с целью обеспечить достаточную и адекватную правовую защиту семьи и родительских прав, в том числе и от избыточного или необоснованного вмешательства в семейную жизнь. Без такого пересмотра любые другие меры в этой и смежных областях будут создавать серьезные правовые и социальные риски.

Комиссия также хочет отметить, что действующее законодательство не обеспечивает в должной мере приоритет родственного устройства детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей. Действующий Семейный кодекс Российской Федерации формально отдает приоритет родственникам ребенка как при его усыновлении, так и при передаче его под опеку. Однако неродственное усыновление при этом, согласно букве закона, остается приоритетной формой устройства ребенка даже по отношению к родственной опеке. На органы опеки и попечительства не возложена обязанность розыска родственников детей, лишившихся попечения родителей, для передачи ребенка в чужую семью не требуется письменный отказ от принятия его на воспитание в свою семью со стороны всех имеющих у него родственников. Все эти недостатки, фактически, сводят на нет нормы, призванные обеспечить приоритет родственного устройства детей, что противоречит реальным интересам детей и явно требует существенной корректировки действующего законодательства.

Оценка законопроекта в свете изложенных принципов

4. Комиссия обращает внимание на то, что вводимое законопроектом «социальное воспитание» представлено в нем как форма «семейного устройства» детей. Между тем, речь идет о профессиональной трудовой деятельности по трудовому договору, при этом «социальные воспитатели» в своей деятельности зависят от организации для детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей, как от фактического работодателя. **Таким образом, с учетом изложенных выше принципов, «социальное воспитание» не является, в действительности, формой семейного устройства детей-сирот, а является разновидностью их институционального устройства.**

Фактически, происходит ошибочное отождествление семейного устройства ребенка и передачи его на воспитание в какую-либо семью. Между тем, как было показано выше, это далеко не одно и то же. В случае, когда ребенок помещается в семью, на профессиональной основе осуществляющую трудовую деятельность по его воспитанию, это следует признавать разновидностью институционального, а не семейного устройства.

Однако, несмотря на это, в законопроекте «социальное воспитание» включается в перечень форм семейного устройства, рассматривается как разновидность опеки и попечительства. Таким образом, переданный на «социальное воспитание» ребенок будет считаться обеспеченным семейным устройством, не будет включаться в число детей, которых смогут взять на воспитание усыновители или настоящие, а не «профессиональные» приемные семьи. Подобная ситуация явно не отвечает интересам детей.

Особую тревогу вызывает то, что передача ребенка на «социальное воспитание» может повлечь за собой невозможность последующего его усыновления или взятия его под опеку его родственниками. Такая передача может также затруднить возвращение ребенка в родную семью даже при наличии такой возможности. С учетом того, что в практике нередки случаи необоснованного и несправедливого изъятия детей из семей, а также неправосудных судебных решений о лишении родительских прав или ограничении в родительских правах, это может стать весьма серьезной проблемой.

Комиссия убеждена, что, в случае введения «социального воспитания» или аналогичных ему институтов в российское право, необходимо ясно и недвусмысленно исключить понимание или представление их в качестве формы «семейного устройства» или «замещающей семьи». Они должны рассматриваться исключительно в качестве разновидности институционального устройства детей-сирот (то есть устройства их в организации для детей-сирот) по аналогии с существующими в некоторых регионах «семейными воспитательными группами». Подобное устройство детей не должно препятствовать действительному их семейному устройству, особенно в семье их родственников, и не должно затруднять усилия, направленные на возвращение ребенка в родную семью, если она имеется. К сожалению, рассматриваемый законопроект не отвечает этим очевидным требованиям.

5. Комиссия отмечает, что «социальное воспитание» в том виде, в каком его предусматривает обсуждаемый законопроект, фактически аналогично существующим в ряде зарубежных стран системам т.н. «фостерных» (англ. “foster families”) или «профессиональных замещающих семей». Используемые в них подходы ведут к целому ряду серьезных проблем и противоречат подлинным правам и законным интересам и детей, и родителей.

В частности, введение такой системы в виде существования обученных «профессиональных родителей» создает объективную экономическую потребность в поддержании потока детей, лишавшихся попечения родителей и передаваемых на воспитание в подобные «профессиональные семьи». Прямая или косвенная материальная заинтересованность в его существовании возникает у целого ряда отдельных лиц и хозяйствующих субъектов. Фактически, можно говорить в этом случае о формировании своеобразного особого «рынка» детей, лишившихся попечения родителей, где дети выступают в качестве своего рода «сырьевого ресурса». Следствием этого является появление на практике специфических видов безнравственной «предпринимательской» деятельности на этом «рынке», имеющих как формально легальный (но при этом, зачастую, совершенно безнравственный), так и незаконный (в том числе коррупционный) характер. Это способно вести к систематическому разрушению семей и наносит тяжкий вред родителям, детям и всему обществу. Комиссия считает неприемлемым введение указанных подходов в российское правовое поле.

6. В последние годы активно расширяется материальная поддержка со стороны государства приемных семей и иных форм устройства в семьи детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей. При этом семьи, воспитывающие родных детей, получают значительно меньший объем государственной материальной поддержки.

Можно положительно оценить поддержку государством приемных родителей. Тем не менее, в целом такая ситуация вызывает у Комиссии серьезную обеспокоенность. Подобное распределение государственной поддержки семей может создать у общества неверное впечатление, что приемные семьи более значимы и важны для государства и общества, чем семьи, воспитывающие родных детей, что неизбежно приведет к снижению общественного престижа семьи как таковой.

В подобных условиях получение материальной поддержки, денежная выгода могут даже стать для некоторых семей основным мотивом принятия на воспитание ребенка-сироты. При этом благородные мотивы милосердия будут подменяться меркантильными соображениями, а воспитание ребенка-сироты из дела любви превратится в способ заработка. Больше всего в такой ситуации будут страдать, несомненно, сами дети.

Ситуация, когда в схожих обстоятельствах приемные семьи могут рассчитывать на дополнительную помощь со стороны государства, а семьи, воспитывающие родных детей, должны полагаться исключительно или преимущественно на собственные силы и возможности, едва ли может быть

сочтена справедливой. При этом необходимо учитывать, что реальная и достаточная материальная поддержка родных семей в немалом числе случаев может предотвратить утрату детьми родительского попечения.

На этом фоне решение, при котором «семейное» воспитание приемных детей, фактически, превращается в оплачиваемый профессиональный труд, что и предлагается в обсуждаемом законопроекте, не может быть оценено положительно. Помимо того, что, как пояснялось ранее, при этом происходит фактическая подмена подлинно семейного воспитания детей наемным профессиональным трудом воспитателей, оно может совершенно обоснованно восприниматься как несправедливость в отношении семей, воспитывающих родных детей.

7. Поскольку, как было сказано ранее, «социальное воспитание», предлагаемое обсуждаемым законопроектом, не может быть признано формой подлинно семейного устройства детей-сирот, по мнению Комиссии, отсутствует какая-либо необходимость его нормативного обеспечения на уровне федерального закона. Как представляется, подобная форма воспитания детей в условиях, близких к семейным, на дому у профессиональных воспитателей, в том числе состоящих в браке, вполне может быть реализована в рамках действующего законодательства. При необходимости «воспитательные группы домашнего типа» вполне могут действовать в качестве подразделений организаций для детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей, при этом нет никакой необходимости устанавливать опеку над детьми со стороны воспитателей, работающих по трудовому договору в качестве сотрудников соответствующих организаций. Разумеется, такие формы воспитания детей-сирот при этом не должны и не могут признаваться их «семейным устройством».

Представление «социального воспитания» в качестве формы семейного устройства на практике приведет к созданию ложного впечатления об улучшении положения детей-сирот, роста числа сирот, получающих семейное воспитание. В действительности, однако, эти дети будут оставаться в системе институционального, а не подлинно семейного устройства.

Реальное улучшение ситуации с семейным воспитанием детей-сирот требует создания нравственных, правовых и социальных условий, в которых российские семьи будут охотнее, руководствуясь достойными и благородными мотивами, по-настоящему принимать их на воспитание в свои семьи, не встречая в этом излишних затруднений. Этому отнюдь не будет содействовать искусственное отнесение к числу «семейных» формы устройства детей, на самом деле являющейся институциональной.

С учетом всего сказанного, Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства не поддерживает рассматриваемый законопроект. Комиссия рекомендует православным христианам и другим россиянам, участвующим в политике и общественной деятельности, по мере имеющихся у них возможностей содействовать его отклонению.